

A jockey in a white helmet and goggles is riding a brown horse on a track. The jockey is wearing a white jacket and black boots. The horse is in motion, and the background is a blurred landscape. A decorative text box is overlaid on the image.

Дик Фрэнсис

КУРАЖ

Иностранная литература. Классика детектива

Дик Фрэнсис

Кураж

«Азбука-Аттикус»

1964

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Фрэнсис Д.

Кураж / Д. Фрэнсис — «Азбука-Аттикус», 1964 — (Иностранная литература. Классика детектива)

ISBN 978-5-389-20935-0

Дик Фрэнсис (1920–2010) – один из самых именитых английских авторов, писавших в жанре детектива. За свою жизнь он создал более 30 бестселлеров, получивших международное признание. Его романы посвящены преимущественно миру скачек – Фрэнсис знал его не понаслышке, ведь он родился в семье жокея и сам был знаменитым жокеем. Этот мир полон азарта, здесь кипят нешуточные страсти вокруг великолепных лошадей и крупных ставок в тотализаторах, здесь есть чем поживиться мошенникам. Все это и послужило материалом для увлекательного романа 1960-х годов «Кураж», который стал бестселлером во многих странах мира.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-20935-0

© Фрэнсис Д., 1964
© Азбука-Аттикус, 1964

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дик Фрэнсис Кураж

NERVE

Copyright © 1964 by Dick Francis

This edition is published by arrangement Johnson & Alcock Ltd. and The Van Lear Agency

All rights reserved

Перевод с английского Диляры Прошуниной

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

БОЛЬШИЕ

И А

КНИГИ

Серия «Иностранная литература. Большие книги»

© Д. М. Прошунина (наследник), перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Иностранка®

* * *

Глава 1

Арт Метьюз застрелился в центре парадного круга на скачках в Данстейбле. Застрелился вызывающе, на глазах у всех.

Я стоял футах в шести от него, но он выстрелил так быстро, что, если бы я был и в шести дюймах, я бы не успел помешать ему.

Из раздевалки он вышел передо мной, глубоко погруженный в свои мысли, низко опустив голову и сгорбив узкие плечи под курткой цвета хаки, которую он набросил поверх жокейского камзола. Я заметил его, когда он слегка запнулся на дорожке в двух шагах от весовой. Когда до парадного круга оставалось несколько футов, кто-то заговорил с ним, и было очевидно, что он не слышит. Обычный путь от весовой до парадного круга, обычные скачки в ряду сотен других. Когда он стоял и разговаривал минуты две-три с владельцем и тренером лошади, ничто не предвещало трагедии. Потом он сбросил куртку и, пока она падала на землю, уже приставил дуло большого автоматического пистолета к виску и спустил курок.

Без колебаний. Без последнего «прости». Сразу после заключительного взвешивания. Беспричинность его поступка так же потрясала, как и результат.

Он даже не закрыл глаза, и они были еще открыты, когда он падал вперед. Я слышал звук, с каким его лицо ударилось о траву и шлем покатился по земле. Пуля прошла насквозь и вышибла кусок черепа, откуда выпирало кровавое месиво.

Щелчок выстрела эхом раскатился по паддоку, отражаясь от высокой задней стены трибун. Головы вопросительно повернулись, оживленный гул голосов зрителей, выстроившихся в три ряда вдоль забора, постепенно затихал и наконец смолк, когда они осознали потрясающий, невероятный факт: все, что осталось от Арта Метьюза, лежало, уткнувшись лицом в ярко-зеленую скаковую дорожку.

Корин Келлар, тренер, опустился на одно колено и тряс Арта за плечо, будто тот, у кого снесена половина головы, мог проснуться.

Солнце ярко светило, сиял голубой и оранжевый шелк на спине Арта, на его бриджах не было ни пятнышка, начищенные сапоги отсвечивали мягким гляncем. У меня мелькнула неуместная мысль: Арт порадовался бы – от шеи до подметок он выглядел так же безукоризненно, как всегда.

Два распорядителя спешили к нам и остановились как вкопанные, уставясь на голову Арта. От ужаса у них отвисли челюсти и сузились глаза. Они были обязаны стоять в парадном круге перед каждой скачкой, пока проводят лошадей, и принимать решение в случае каких-либо нарушений правил. Думаю, нарушения, подобного самоубийству первоклассного жокея стипль-чеза, никогда не случалось в их практике.

Старший из них, лорд Тирролд, высокий худой человек, прирожденный администратор, наклонился над Артом, чтобы ближе его рассмотреть. Я увидел, как исказилось его лицо. Он взглянул на меня поверх тела Арта и спокойно сказал:

– Конец... принесите попону.

Я прошел шагов двадцать по парадному кругу туда, где стояла одна из лошадей, которой предстояло участвовать в скачке. Ее окружали владелец, тренер и жокей. Не говоря ни слова, тренер снял с лошади попону и протянул мне.

– Метьюз? – с сомнением спросил он.

Я кивнул, поблагодарил и пошел назад.

Другой распорядитель, угрюмый, похожий на быка человек по имени Боллертон, извергал завтрак – я со злорадством увидел это, – теряя заботливо хранимое достоинство.

Корин Келлар так и водил рукой от лба к подбородку, все еще стоя на одном колене возле своего жокея. В лице ни кровинки, руки трясутся. Он тяжело воспринял смерть Арта.

Я протянул один конец попоны лорду Тирролду, и мы мягко опустили ее на труп Арта. Лорд Тирролд постоял с минуту, глядя вниз на неподвижную коричневую фигуру, затем взглянул на группу жокеев, которые должны были участвовать в этом заезде. Он подошел к ним, что-то сказал, и сразу же конюхи повели всех лошадей с парадного круга назад, в конюшню.

Я смотрел на Корина Келлара, на его переживания, и думал, что он их вполне заслужил. Хотел бы я знать, как чувствует себя человек, который понимает, что довел другого до самоубийства.

В громкоговорителе щелкнуло, и голос объявил: в связи с тем, что на парадном круге произошел серьезный несчастный случай, две последние скачки отменяются, а завтрашняя программа состоится, как и планировалось; теперь же всех просят оказать любезность и идти домой.

Бедный Арт! Бедный, затравленный, загнанный в угол Арт, разделавшийся со своими несчастьями с помощью кусочка свинца.

Атмосфера в раздевалке была почти безмятежной, явно от перенесенного шока. Среди жокеев Арт, по всеобщему согласию, занимал позицию старшего и умудренного опытом, хотя ему не было и тридцати пяти. С ним считались и его уважали. Сдержанный, иногда даже замкнутый, но честный человек и хороший жокей. Его единственной слабостью, над которой мы с удовольствием подтрунивали, было убеждение, что в проигранной скачке всегда виноваты какие-то изъяны лошади или недостатки в системе тренировок, но ни в коем случае не он сам. Мы все прекрасно знали, что Арт не исключение из правил и каждый жокей в какой-то степени предвзято оценивает прошедшую скачку, но он никогда не признавал своей вины и каждый раз, когда его призывали к ответу, мог привести убедительные доказательства.

– Слава богу, – сказал Тик-Ток Ингерсолл, стягивая с себя свитерок в голубую и черную клетку, – Арт хорошо рассчитал и, прежде чем пустить себе пулю в лоб, позволил нам всем взвеситься перед скачкой. Если бы он это сделал на час раньше, у нас у всех в кармане было бы на десять фунтов меньше.

Тик-Ток был прав. Наш гонорар за каждую скачку начислялся сразу же после того, как мы становимся на весы. Если вес жокея соответствует правилам, ему автоматически выплачиваются деньги, независимо от того, участвовал он в скачке или нет.

– В таком случае нам следует вложить половину в фонд его вдовы, – заметил Питер Клуни, маленький спокойный молодой человек, быстро проникавшийся жалостью и быстро забывавший о ней по отношению как к другим, так и к себе.

– Ну и глупо, – возмутился Тик-Ток, откровенно не любивший Клуни. – Для меня десять фунтов – это десять фунтов, а у миссис Метьюз их и без того хватает. И она задирает из-за этого нос.

– В знак уважения к Арту, – настаивал Питер, обводя нас полными слез глазами и осторожно избегая воинственного взгляда юного Тик-Тока.

Я симпатизировал Тик-Току и тоже нуждался в деньгах. Кроме того, миссис Метьюз относилась ко мне – впрочем, как и ко всем другим рядовым жокеям – с особенной обжигающей холодностью. Пять фунтов в память Арта едва ли заставят ее оттаять. Бледная, с соломенными волосами, бесцветными глазами, она была как статуя из льда.

– Миссис Метьюз не нуждается в наших деньгах, – сказал я. – Давайте лучше купим венок и, может, еще что-нибудь в память об Арте, такое, что он бы одобрил.

Худощавое лицо юного Тик-Тока выразило восхищение. Питер Клуни взглянул на меня с печальным упреком. Но все остальные кивнули в знак согласия.

Грант Олдфилд проговорил со злобой:

– Может, он и застрелился потому, что эта бесцветная ведьма выгнала его из своей постели.

Наступило несколько обескураженное молчание. «Год назад, – мелькнула у меня мысль, – мы, скорее всего, засмеялись бы». Но год назад Грант Олдфилд сказал бы то же самое и, возможно, так же грубо ради забавы, а не с такой безобразной, мрачной злобой.

Я понимал, да и все мы понимали, что Грант не знал и вовсе не хотел знать подробности семейной жизни Арта, но последние месяцы Гранта будто пожирала какая-то внутренняя злоба, каждая его фраза просто сочилась ядом. Мы видели причину в том, что он покатился по лестнице успеха вниз, даже не поднявшись наверх. По характеру он был очень честолюбив и безжалостен, и это помогало ему совершенствоваться в жокейском ремесле. Но в какой-то момент, на гребне успеха, когда он привлек внимание публики вереницей побед и начал регулярно работать для Джеймса Экминстера, одного из самых высококлассных тренеров, что-то случилось: Грант потерял работу у Экминстера, и другие тренеры нанимали его все реже и реже. Несостоявшийся заезд был у него сегодня единственным.

Грант был смуглым, волосатым, крепко скроенным мужчиной лет тридцати, с высокими выступающими скулами и широким носом с постоянно раздувающимися ноздрями. Мне приходилось проводить в его компании гораздо больше времени, чем хотелось бы, потому что моя вешалка в раздевалке почти на всех скачках была рядом с его и нашу форму приводил в порядок один и тот же служитель. Грант, не задумываясь, брал мои вещи, не спрашивая и не благодаря, и если он что-нибудь портил, то всегда заявлял, что ничего не трогал. Когда я впервые встретил его, меня забавлял его ироничный юмор, но два года спустя, к тому времени, когда умер Арт, меня уже тошнило от взрывов его настроения, грубости и злобного характера.

За шесть недель с начала нынешнего сезона я несколько раз видел, как Грант стоит с вытянутой вперед головой и в недоумении разглядывает все вокруг, будто бык, с которым играет матадор. Бык, измученный борьбой с куском ткани, сбитый с толку и сокрушенный. Вся его удивительная сила истрачена на пустяки, которые он не может проткнуть рогами. Конечно, в такие моменты мне было жаль Гранта, но в остальное время я старался держаться от него подальше.

После злобного предположения Гранта мы замолчали. В этот момент один из служащих ипподрома спустился в раздевалку и, увидев меня, крикнул:

- Финн, вас хотят видеть распорядители!
- Сейчас? – спросил я, стоя в рубашке и трусах.
- Сию же минуту, – усмехнулся он.
- Хорошо.

Я быстро оделся, пригладил щеткой волосы, через весовую прошел к двери распорядителей и постучал. Все трое распорядителей, секретарь скачек и Корин Келлар сидели за большим продолговатым столом на неудобных на вид стульях с прямыми спинками.

Лорд Тирролд сказал:

- Проходите и закройте дверь.

Я так и сделал. Он продолжал:

– Я знаю, что вы стояли рядом с Метьюзом, когда он... мм... застрелился. Вы действительно видели, как он сделал... это? Я имею в виду, вы видели, как он вытащил пистолет и приставил к виску, или вы посмотрели на него, только услышав выстрел?

- Я видел, как он вытащил пистолет и приставил его к виску, сэр.

– Очень хорошо, в таком случае полиция, наверно, захочет получить ваши показания.

Пожалуйста, не уходите из весовой, пока они не встретятся с вами. Мы ждем инспектора, он вернется сюда из пункта первой помощи.

Кивком он отпустил меня, но, когда я уже взялся за ручку двери, спросил:

- Финн... вы не знаете, что могло бы подтолкнуть Метьюза уйти из жизни?

Я слишком долго колебался, прежде чем обернулся и твердо сказал:

- Нет.

И эта лишняя доля секунды сделала мой ответ неубедительным. Я посмотрел на Корина Келлара, занятого изучением собственных ногтей.

– Мистер Келлар может знать, – неуверенно проговорил я.

Распорядители переглянулись. Мистер Боллертон, все еще бледный от приступа тошноты, вызванного видом Арта, сделал отметающий жест рукой и сказал:

– Не считаете же вы, будто мы поверим, что Метьюз застрелился просто так, потому что Келлар был неудовлетворен его работой? – Он посмотрел на других распорядителей и продолжил, подчеркивая каждое слово: – В самом деле, если эти жокеи до того зазнались, что не могут вынести немного явно заслуженной критики, то им самое время искать другое занятие. Но предполагать, что Метьюз покончил самоубийством из-за пары неприятных слов, – безответственно и вредно.

В этот момент я вспомнил, что лошадь Арта, которую тренировал Корин Келлар, принадлежала именно Боллертону. «Неудовлетворен его работой». Бесцветная фраза, какую он использовал для описания бесконечных язвительных стычек между Артом и тренером, вдруг показалась мне неуклюжей попыткой скрыть беспокойство. «Вы знаете, почему Арт застрелился, – подумал я, – и вы были одной из причин, но не хотите признаться в этом даже себе».

Я снова взглянул на лорда Тирролда и обнаружил, что он задумчиво изучает меня.

– Это все, Финн? – спросил он.

– Да, сэр.

Я вышел, и на этот раз они не задержали меня, но я еще был в весовой, когда дверь снова открылась и я услышал голос Корина за своей спиной:

– Роб!

Я обернулся и подождал его.

– Весьма благодарен, – саркастически начал он, – за ту маленькую свинью, которую вы мне подложили.

– Вы уже сказали им об этом, – заметил я.

– Конечно сказал.

Он все еще выглядел потрясенным, морщины на худом лице стали глубже. Келлар исключительно умный тренер, но вспыльчивый и ненадежный человек, который сегодня предлагает дружбу на всю жизнь, а завтра становится смертельным врагом. Но теперь, похоже, он сам нуждался в утешении.

Он заговорил:

– Надеюсь, что вы и другие жокеи не верите, будто Арт застрелился потому... ну... что я решил меньше занимать его на скачках. У него, наверное, были другие причины.

– Но в любом случае сегодня он работал как ваш жокей последний раз. Разве не так? – спросил я.

Он с минуту поколебался и затем кивнул, удивленный, что я знаю эту новость. Я не стал говорить Келлару, что накануне вечером столкнулся с Артом на автостоянке. Горькое отчаяние, жгучая печаль, разъедавшие его от чувства несправедливости, пересилили обычную сдержанность Арта, и он признался мне, что Келлар отказал ему в работе.

Я только сказал:

– Метьюз застрелился потому, что вы его уволили, и он сделал это у вас на глазах, чтобы вы испытали раскаяние. Это, если вас интересует, и есть мое мнение.

– Но люди не кончают самоубийством из-за того, что потеряли работу! – воскликнул он с легким раздражением.

– Нет, если они нормальные, не кончают, – согласился я.

– Каждый жокей знает, что рано или поздно ему придется уйти. И Арт был уже слишком стар... Должно быть, он был сумасшедший.

– Возможно, – бросил я и ушел. А он остался стоять, пытаясь убедить себя, что не виноват в смерти Арта.

Вернувшись в раздевалку, я с удовольствием отметил, что Грант Олдфилд уже оделся и ушел домой. Ушли и другие жокеи. Служители сортировали грязные белые бриджи и укладывали в большие плетеные корзины шлемы, сапоги, хлысты и другую экипировку.

Тик-Ток, насвистывая сквозь зубы последний хит, сидел на скамейке и натягивал модные желтые носки. Рядом стояли начищенные остроносые ботинки, достающие до лодыжек. Он болтал стройными ногами в темных твидовых брюках (без отворотов) и, почувствовав мой взгляд, поднял глаза и усмехнулся.

– В журнале «Портной и кройщик» тебя поместят в рубрику «Идеальный парень», – проговорил он.

– Мой отец в свое время, – вежливо ответил я, входил в число «Двенадцати самых хорошо одетых мужчин Британии».

– Мой дед носил плащ из шерсти ламы.

– Моя мать, – продолжал я игру, – носила только итальянские рубашки.

– А моя, – осторожно вставил он, – стряпала в них на кухне.

Мы перекидывались детскими фразами, глядя друг на друга и наслаждаясь юмором ситуации. Пять минут в обществе Тик-Тока действовали так же, как стакан чаю с ромом на замерзшего человека. Его способность беззаботно радоваться жизни заражала всех, кто был рядом с ним. «Пусть Арт погиб, не вынеся позора, пусть мрак окутывает душу Гранта Олдфилда, но пока юный Ингерсолл так весело щебечет, – подумал я, – королевству скачек не грозит беда».

Он помахал мне рукой, поправил модную тирольскую шляпу и ушел, сказав:

– До завтра!

И все же в королевстве скачек было неблагоприятно. Очень неблагоприятно. Я не понимал, в чем дело. Мне были видны лишь симптомы, но их я видел все более и более ясно – возможно, потому, что всего два года как включился в игру. Казалось, что тренеры и жокеи постоянно раздражены друг другом, скрываемая вражда неожиданно прорывалась наружу, и положение ухудшалось, затаенная обида и недоверие перетекали от одного к другому. «Положение хуже, – думал я, – чем за кулисами любого бизнеса, построенного на яростной конкуренции, хуже, чем в таком же королевстве беговых лошадей, конюшен и серых фланелевых костюмов». Но Тик-Ток – ему одному я высказал свои подозрения – не раздумывая, отмел их.

– Ты, должно быть, настроен на неправильную волну, дружище! – воскликнул он. – Сколько улыбок вокруг! Улыбайся! По-моему, жизнь прекрасна!

Последние шлемы и сапоги исчезли в корзинах. Я пил вторую чашку тепловатого чая без сахара и пожирал глазами куски фруктового кекса. Как всегда, потребовалось большое усилие, чтобы не съесть ни кусочка. Единственное, что не нравилось мне в скачках, это постоянный голод. Да и сентябрь – плохое время года: еще оставалась летняя полнота, и приходилось голодать, чтобы войти в норму. Я вздохнул, с сожалением отвел глаза от кекса и утешил себя тем, что в следующем месяце аппетит вернется на зимний уровень.

Мой служитель, молодой Майк, закричал с лестницы:

– Роб, здесь полицейский, он хочет видеть вас.

Я поставил чашку и вышел из раздевалки. Неприметного вида полицейский средних лет ждал меня с блокнотом в руке.

– Роберт Финн? – спросил он.

– Да.

– Я узнал от лорда Тирролда, что вы видели, как Артур Метьюз приставил пистолет к виску и спустил курок.

– Да, – согласился я.

Он сделал пометку в блокноте и произнес:

– Это случай простого самоубийства. Тут не потребуется больше одного свидетеля, кроме доктора и, может быть, мистера Келлара. Не думаю, что нам придется беспокоить вас в дальнейшем. – Он чуть улыбнулся, закрыл блокнот и положил его в карман.

– Это все? – спросил я довольно безучастно.

– Да, все. Когда человек так убивает себя при публике, как в данном случае, здесь нет вопроса о несчастном случае или убийстве. Спасибо, что подождали меня, хотя это была идея ваших распорядителей, а не моя. Ну, всего доброго. – Он кивнул, повернулся и пошел к комнате распорядителей.

Глава 2

Дома в Кенсингтоне¹ никого не было. Как обычно, гостиная выглядела так, будто совсем недавно на нее налетел небольшой торнадо. На рояле матери громоздились партитуры, некоторые из них каскадом упали на пол. Пюпитры в позе пьяниц валялись вдоль стены, выставив треугольники ног, на одном из них висел скрипичный смычок. Сама скрипка опиралась на спинку кресла, а ее футляр лежал на полу сзади, виолончель и ее футляр стояли рядом около дивана, бок о бок, будто любовники. Гобой и два кларнета прижались друг к другу на столе. Неряшливая, застывшая музыка. И по всей комнате, на всех стульях, принесенных из спальни и заполнявших свободное пространство пола, белело множество шелковых носовых платков, валялись канифоль и дирижерские палочки.

Пробежав опытным взглядом по разбросанным вещам, я определил, что недавно тут музицировали мои родители, два дяди и кузен. И поскольку они никогда не уезжали далеко без инструментов, я мог безошибочно утверждать, что квинтет отправился на небольшую прогулку и очень скоро вернется. Я с удовольствием подумал, что в моем распоряжении небольшой антракт.

Проделав себе проход, я выглянул в окно. Никаких признаков возвращения Финнов. Квартира занимала верхний этаж дома, двумя-тремя улицами отдаленного от Гайд-парка, и через гребни крыш я мог видеть, как вечернее солнце бьет в зеленый купол Альберт-холла. Позади него высился темный массив Королевского института музыки, где преподавал один из моих дядей. Полные воздуха апартаменты, штаб-квартиру семьи Финн, отец снимал из экономии, так как дом был расположен вблизи того места, где все Финны время от времени работали.

Один я остался не у дел. Я не унаследовал талантов, которыми так щедро была наделена моя родня с обеих сторон. Они с горечью убедились в этом, когда мне было четыре года и я не смог отличить звуки гобоя от английского рожка. Для непосвященного, может, и нет между ними большого различия, но отец имел счастье быть гобоистом с мировой славой, и все другие музыканты мечтали сравняться с ним. К тому же музыкальный талант, если он есть, проявляется у ребенка в самом раннем возрасте, гораздо раньше, чем другие врожденные способности. В три года (когда Моцарт начал сочинять музыку) на меня концерты и симфонии производили меньше впечатления, чем шум, создаваемый мусорщиками, когда они опрокидывали в машину бачки.

К тому времени, когда мне исполнилось пять лет, огорченные родители вынуждены были признать, что их ребенок, зачатый по ошибке (я стал причиной того, что пришлось отменить важные гастролы по Америке), оказался немusикальным.

Моя мать никогда ничего не делала наполовину. Поэтому меня между занятиями в школе постоянно отправляли куда-нибудь к знакомым фермерам под предлогом укрепления здоровья, но на самом деле, как я позже понял, чтобы освободить родителей для дальних и длительных гастрольных поездок. Пока я рос, между нами установились отношения, скрепленные своего рода мирным договором, по которому подразумевалось, что поскольку родители не намерены ставить ребенка на первое место и он для них значит меньше, чем музыкальная репутация (то есть остается где-то на втором плане), то чем реже мы видимся, тем лучше.

Они не одобряли мой рискованный выбор жокейской профессии лишь по одной причине: скачки не имели ничего общего с музыкой. Бесполезно было объяснять им, что единственное, чему я научился на фермах во время всевозможных каникул, – это ездить верхом (я был все же сыном своего отца, и фермерство вызывало во мне отвращение и тоску) и что моя нынешняя

¹ Фешенебельный район Лондона, где живут артисты, музыканты, художники.

профессия – прямой результат их действий в прошлом. К тому, что они не хотели слышать, мои родители, наделенные абсолютным слухом, были высокомерно глухи.

Я отправился к себе в спальню и окинул взглядом маленькую комнату со скошенным потолком, переделанную для меня из чулана, когда я вернулся домой после странствий. Кровать, комод, кресло, стол и на нем лампа. Импрессионистский набросок скачущей лошади на стене напротив кровати. Никаких безделушек, несколько книг, абсолютный порядок. За шесть лет, что я скитался по свету, я привык обходиться минимумом вещей и, хотя занимал эту маленькую комнату уже два года, ничего не добавил в нее.

Я переоделся в джинсы, старую полосатую рубашку и задумался, чем занять время до следующих скачек. Беда была в том, что стипль-чез вошел мне в кровь, подобно страсти к наркотикам, так что все обычные удовольствия стали просто способом провести время, отделяющее одни скачки от других.

Желудок подал сигнал чрезвычайного бедствия: последний раз я ел двадцать три часа назад. Я отправился в кухню. Но прежде чем дошел до нее, парадная дверь с шумом открылась и в дом ввалились мои родители, дяди и кузен.

– Привет, дорогой, – бросила мама, подставляя для поцелуя нежную, приятно пахнущую щеку. Так она приветствовала всех, от импресарио до хористов из задних рядов. Материнство не было ее стихией. Высокая, стройная, шикарная... Ее стиль казался небрежным, но родился в результате серьезного обдумывания и больших затрат. По мере приближения к пятидесяти она становилась все более и более «современной». Как женщина она была страстной и темпераментной, как артистка – первоклассным инструментом для интерпретации гения Гайдна: его фортепианные концерты она исполняла с магической, щепетильной, экстатической точностью. Я видел, как самые суровые музыкальные критики выходили с ее концертов со слезами на глазах. Поэтому я никогда не ждал, что на широкой материнской груди найду утешение в моих детских горестях, и никогда не рассчитывал на возвращение мамы, которая испечет сладкий пирог и заштопает носки.

Отец, всегда относившийся ко мне с деликатным дружелюбием, спросил в форме приветствия:

– У тебя был хороший день?

Он всегда так спрашивал, и я отвечал «да» или «нет», зная, что на самом деле его это не интересует.

Я ответил:

– Я видел, как застрелился человек. Нет, это был нехороший день.

Пять голов повернулись в мою сторону.

Мать воскликнула:

– Дорогой, что ты имеешь в виду?

– Жокей застрелился на скачках. Он стоял футах в шести от меня. Это было ужасно.

Все пятеро теперь стояли и смотрели на меня, раскрыв рты. Лучше бы я не говорил им: в воспоминаниях все казалось гораздо страшнее, чем тогда.

Но на них это не подействовало. Дядя, виолончель, со щелчком закрыл рот, вздрогнул и прошел в гостиную, бросив через плечо:

– Раз ты ходишь на эти эксцентричные гонки...

Мать проводила его глазами. Когда он поднимал свой инструмент, прислоненный к дивану, раздался звук басовой струны. И это подействовало на остальных как неотвратимое притяжение магнита: они потянулись за ним. Только кузен в задумчивости задержался на несколько минут, оторванных от Искусства, затем и он вернулся к своему кларнету.

Я прислушался: они рассаживались, пододвигали пюпитры, настраивали инструменты. Потом начали играть быструю пьесу для струнных и деревянных духовых, которую я особенно

не любил. Квартира вдруг стала невыносимой. Я спустился вниз на улицу и отправился, сам не зная куда.

Было только одно место, куда я мог пойти, если мне хотелось покоя, но я не позволял себе приходиться туда часто из опасения, что наскучу визитами. Прошел уже целый месяц, как я не видел кузину Джоанну, и мне было необходимо ее общество. Необходимо. Вот единственно правильное слово.

Она открыла дверь с обычным выражением веселого и доброго гостеприимства на лице.
– Вот это да! Привет! – сказала она, улыбаясь.

Я последовал за ней в большой перестроенный каретный сарай, который служил ей гостиной, спальней и комнатой для репетиций одновременно. Половина крыши была скошена и застеклена, и сквозь нее еще проходил свет заходящего вечернего солнца. Размеры и относительная пустота помещения вызвали необычный акустический эффект: если говорить громко, создавалось впечатление, что голос доносится из соседней комнаты, если же кто-нибудь пел – а Джоанна пела, – то возникала полная иллюзия отдаленности и усиления звука, отраженного бетонными стенами.

Голос у Джоанны был глубоким, чистым и звучным. Когда она пела драматические пассажи, то при желании украшала их нарочитой хрипотцой, и получалось очень эффектное подражание звуку надтреснутого колокола. Джоанна могла бы сделать состояние на исполнении блюзов, но она родилась в семье истинно классических музыкантов, в семье Финн, поэтому о коммерческом использовании таланта не могло быть и речи. Блюзам она предпочитала песни, которые мне представлялись немелодичными и не приносящими вознаграждения, хотя она, казалось, добилась приличной репутации среди людей, любивших такого рода музыку.

Джоанна встретила меня в старых джинсах и черном свитере, измазанном кое-где краской. На мольберте стоял незаконченный портрет мужчины, и рядом на столе лежали кисти и краски.

– Я пробую теперь писать маслом, – сказала она, взяв кисть и сделав несколько мазков, – но, черт побери, не очень хорошо получается.

– Продолжай работать углем, – заметил я. Когда-то она нарисовала легкими линиями скачущих лошадей. Хотя с анатомией не все было в порядке, но рисунок был полон жизни и движения и теперь висел в моей комнате.

– Но все же я его закончу, – не согласилась Джоанна.

Я стоял и наблюдал за ней. Она выдавила немного кармина и, не глядя на меня, спросила:

– Что случилось?

Я не ответил. Рука с кистью остановилась в воздухе, она обернулась и спокойно разглядывала меня несколько секунд, потом сказала:

– Там на кухне есть бифштекс.

Читает мысли моя кузина Джоанна. Я усмехнулся и отправился в узкую длинную пристройку с покатою крышей, где она принимала ванну и стряпала себе еду. Там я нашел большой кусок мяса, поджарил его с парой помидоров, сделал французский соус для салата, который, уже приготовленный, лежал в миске. Когда мясо поджарилось, я разделил его на две части и вернулся к Джоанне. Пахло оно удивительно.

Она положила кисть, вытерла руки о джинсы и села есть.

– Должна сказать тебе, Роб, что ты готовишь настоящий бифштекс, – проговорила она, набив рот.

– Благодарю, пустяки, – проурчал я с полным ртом.

Мы съели все до крошки. Я закончил первым и сидел, откинувшись в кресле, наблюдая за ней. У нее было очаровательное, полное силы и характера лицо с прямыми темными бровями. Она отбросила назад волнистые, коротко подстриженные волосы, но на лоб все равно упала небрежная вьющаяся челка.

В моей кухне Джоанне таилась причина, почему я не был женат, если можно говорить о причине в двадцать шесть лет. Она была старше меня на три месяца, и это давало ей преимущество всю нашу жизнь, и очень жаль, потому что я-то был влюблен в нее еще с пеленок. Я несколько раз просил ее выйти за меня замуж, но она всегда мне отказывала. Двоюродные брат и сестра, была она уверена, слишком близкие родственники. И, кроме того, добавляла она, я не волную ей кровь.

Во всяком случае, два других претендента преуспели больше, чем я. Оба они были музыкантами. И каждый из них самым дружеским образом рассказывал мне, какая Джоанна великолепная любовница, как она углубила их восприятие жизни, дала удивительную силу их музыкальному вдохновению, открыла новые горизонты и так далее и тому подобное. Они оба были безусловно красивыми мужчинами. Мне было восемнадцать, когда она отказала мне впервые, и я сразу же в отчаянии уехал в чужие края и не возвращался в течение шести лет. После второго отказа я отправился в буйную компанию и напился первый и единственный раз в жизни. Оба приключения прошли не без пользы, послужили хорошим уроком, но не излечили меня от любви.

Она отодвинула пустую тарелку и сказала:

– Ну а теперь в чем дело?

Я рассказал об Арте. Она внимательно слушала и, когда я закончил, проговорила:

– Несчастный человек. И несчастная его жена... Почему он это сделал, как ты думаешь?

– Наверно, потому, что потерял работу. Арт так любил совершенство во всем. И он был слишком гордым... Он никогда не признавал, что допустил какую-то ошибку... Думаю, он просто не мог смотреть в лицо людям, которые знали, что ему дали пинка. Но странно, Джоанна, для меня он оставался таким же совершенством, как и раньше. Я понимал, что ему тридцать пять, но ведь это не старость для жокея, и, хотя все видели, как он и Корин Келлар, тренер, который его уволил, страшно ссорились, если их лошади проигрывали, Арт ничего не утратил в своем стиле. Его мог бы нанять кто-нибудь, пусть и не в такие престижные конюшни, как у Корина.

– Я правильно поняла: ты считаешь, что смерть для него была предпочтительнее сползания вниз?

– Да, похоже, что так.

– Надеюсь, когда придет твое время уходить, ты не будешь пользоваться такими сильнотействующими средствами, – заметила она. Я улыбнулся, и она добавила: – Кстати, что ты думаешь делать, когда уйдешь?

– Уйду? Я еще только начинаю, – удивился я.

– И через четырнадцать лет ты станешь второразрядным жокеем, разбитым, желчным сорокалетним человеком, слишком старым, чтобы начать жизнь снова, и не имеющим ничего за душой, кроме воспоминаний о лошадях, которые никто не хочет слушать. – В ее голосе звучали досада и раздражение от нарисованной перспективы.

– А ты, – подхватил я, – будешь со своим контральто толстой немолодой певицей дублирующего состава, которая боится потерять внешность и озабочена тем, что голосовые связки все больше и больше теряют эластичность и уходит точность звучания.

– Какая мрачная перспектива, – засмеялась Джоанна. – Но я понимаю тебя. И потому не пытаюсь разочаровать в твоей работе, хотя она и не имеет будущего.

– Но будешь продолжать отговаривать по другим причинам?

– Конечно. Это, по сути, пустое, непродуктивное, отвлекающее от жизни занятие, и оно побуждает людей растрачивать время и деньги на ерунду.

– Например, на музыку.

Она взглянула на меня:

– За это ты сейчас пойдешь и вымоешь посуду.

Пока я отбывал наказание за самую страшную ересь, возможную в семье Финн, она снова занялась портретом, но наступили сумерки, и, когда я пришел с миром, предложив ей только что сваренный кофе, она оставила портрет до следующего дня.

– У тебя телевизор работает? – спросил я, вручая ей чашку.

– Наверное, работает.

– Ты не против, если я включу его на четверть часа?

– Кто играет? – автоматически спросила она.

Я вздохнул:

– Никто. Там о скачках.

– О, прекрасно, если тебе надо...

Я включил телевизор, и мы увидели конец программы варьете. Затем последовал блок рекламы, потом открылись ворота ипподрома, и на фоне ускоренных съемок скачущих лошадей в самых невозможных ракурсах возникла надпись: «Скачки недели», а затем заставка еженедельной пятнадцатиминутной передачи «Встречи для вас».

На экране появилось знаменитое лицо Мориса Кемп-Лоруа, привлекательное, непринужденное, ироничное. Он начал с того, что просто и естественно представил гостя вечера, известного букмекера, и назвал тему сегодняшней передачи: как делать ставки, основываясь на математических выкладках.

– Но сначала, – сказал Кемп-Лоур, – я хотел бы отдать дань памяти жокею стипль-чеза Арту Метьюзу, который сегодня на скачках в Данстейбле ушел из жизни по собственной воле. Думаю, многие из вас видели на экранах скачки, в которых он участвовал... и вы разделите со мной глубокое потрясение, что такая долгая и успешная карьера закончилась подобной трагедией. Хотя Арт так и не стал чемпионом, он был известен как один из лучших мастеров стипль-чеза в стране, и его прямой неподкупный характер служит великолепным примером для молодых жокеев, только вступающих в игру...

Джоанна, подняв брови, поглядела на меня, а Морис Кемп-Лоур, изящно закончив теплый некролог, посвященный Арту, вновь представил букмекера, который ясно и увлекательно продемонстрировал, как присоединиться к стану выигрывающих. Иллюстрацией к его беседе служили кинокадры и мультипликационные картинки, рисующие минуту за минутой, как в Большом Лондоне ежедневно принимаются решения о стартовых ставках. Передача полностью отвечала высоким стандартам всех программ Кемп-Лоура.

Кемп-Лоур поблагодарил букмекера и завершил четвертьчасовую передачу обзором скачек на следующую неделю. Он не касался отдельных претендентов на победу, но давал такую информацию о жокеях и лошадях, которая усиливала интерес к предстоящим скачкам, так как публика что-то узнавала о прошлых достижениях соревнующихся. Его анекдоты были всегда интересными или смешными, и я слышал, что он приводил в отчаяние журналистов, пишущих о скачках, потому что его забавные истории всегда превосходили все, что могли придумать они.

Наконец он сказал:

– До встречи на следующей неделе в это же время. – И надпись «Скачки недели» исчезла вместе с ним.

Я выключил телевизор. Джоанна спросила:

– Ты смотришь каждую неделю?

– Да, если могу. Сейчас сезон скачек. Много всего, что не стоит пропускать, и очень часто его гости – люди, которых я встречал.

– Мистер Кемп-Лоур собаку съел в своем деле?

– Да. Он вырос в этой среде. Его отец в тридцатые годы побеждал в Больших национальных скачках. Теперь он босс в Национальном охотничьем комитете, а этот комитет, – продолжал я, заметив ее отсутствующий взгляд, – самый главный в управлении стипль-чезами.

– О-о. И мистер Кемп-Лоур тоже участвует в скачках?

– Нет. Вряд ли он вообще ездит верхом. У него от лошадей астма или что-то вроде этого. Я точно не знаю... Но он всегда на виду. Он часто бывает на скачках. Правда, я никогда с ним не разговаривал.

Интерес Джоанны к скачкам на этом полностью истощился, и час или около того мы дружески и беспредметно болтали о том, как все в мире неустойчиво.

У дверей раздалось звяканье колокольчика. Она пошла открывать, а когда вернулась, за ней шел мужчина, портрет которого она пыталась писать, один из тех, кто волновал ей кровь и волнует до сих пор. Он, как собственник, обнял ее за талию и поцеловал. Затем кивнул мне.

– Как прошел концерт? – спросила она. Он был первой скрипкой в Лондонском симфоническом оркестре.

– Так себе, – пожал он плечами. – Си-бемоль Моцарта прошел нормально, только какой-то дурак в зале начал хлопать после медленной части и испортил переход к аллегро.

Кузина сочувственно охнула. Я встал. Меня не приводил в восторг их вид, так уютно пристроившихся друг к другу.

– Уходишь? – сказала Джоанна, освобождаясь из его рук.

– Да.

– Спокойной ночи, Роб, – проговорил он, зевая. Потом снял черный галстук и расстегнул ворот рубашки.

– Спокойной ночи, Брайан, – вежливо ответил я, подумав про себя: «Хоть бы ты провалялся ко всем чертям».

Джоанна проводила меня до дверей.

Я сказал унылым голосом:

– Спасибо за бифштекс... и за телевизор.

– Приходи еще.

– Хорошо. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – повторила она и, будто вспомнив, добавила: – Как Полина? – Полина – фотомодель, с которой я проводил время.

– Она собирается замуж, – сообщил я, – за сэра Мортон Хенджа.

Должен признаться, я не ожидал такого взрыва «сострадания», какой увидел. Джоанна радостно засмеялась.

Глава 3

Две недели спустя после смерти Арта я остался ночевать в доме Питера Клуни.

Машины у меня не было, и на первый день соревнований в Челтенхеме я приехал, как обычно, поездом для участников скачек, взяв маленький саквояж с необходимыми для ночевки вещами. Меня наняли на два заезда, по одному в день, и я собирался найти на окраине гостиницу, где цены не особенно бы продырявили мой карман. Но Питер, увидев саквояж, спросил, нашел ли я уже, где остановиться, и предложил переночевать у него. Я удивился такой любезности: ведь мы не были даже близкими друзьями – и, поблагодарив, принял предложение.

С моей точки зрения, день прошел без особых волнений. Неддикинс, мой вздорный начинающий скакун, не имел никакого шанса на победу. В прошлом за ним тянулся печальный список падений и неоконченных скачек. Тяжелый и неуклюжий, он всегда шел последним и останавливался где вздумается.

Мне пришлось напрячь все силы, чтобы чуть-чуть разбудить Неддикинса. И хотя мы финишировали последними, но из скачек не выбыли и все же закончили круг, что, на мой взгляд, было триумфом. К моему удивлению, такого же мнения держался и тренер, который, похлопав меня по плечу, предложил на следующий день работать еще с одним новичком.

Неддикинс был первой лошастью, с которой я работал для Джеймса Эксминстера, и я знал: он предложил ее мне потому, что не хотел рисковать своими постоянными жокеями: на Неддикинсе они могли бы получить травму. Много такого рода скачек встречалось на моем пути, но я был рад даже им. Я считал, что если смогу набраться опыта на плохих лошадях, когда никто ничего не ждет, то буду в нужной форме, если когда-нибудь мне попадетсЯ хорошая.

Ближе к вечеру я нашел Питера, и мы поехали в его удобной семейной машине. Он жил милях в двадцати от Челтенхема в маленькой деревеньке, окруженной холмами. Мы свернули с шоссе на узкую проселочную дорогу, окруженную с обеих сторон широкой живой изгородью. Казалось, дорога бесконечно будет тянуться меж убранных фермерских полей, но, сделав еще один поворот, мы въехали на край плато, откуда была видна вся деревня, заполнившая ложбину.

Питер сказал:

– Вот в том бунгало внизу я живу. Вон то, с белыми окнами.

Я проследил за его пальцем. У меня хватило времени, пока дорога не повернула, разглядеть маленький сад, окруженный аккуратным забором, и совсем новый дом. Мы спустились с холма, миновали несколько крутых поворотов, предварительно посигналив, уже в деревне обогнули крохотную лужайку и остановились перед бунгалом Питера.

Его жена открыла белую дверь и спустилась на дорожку, чтобы встретить нас. Я заметил, что совсем скоро у нее будет ребенок. Она выглядела так молодо, что казалась почти школьницей, и говорила, сильно смущаясь.

– Проходите, – сказала она, протянув мне руку. – Питер позвонил, что вы приедете, у меня все готово.

Я последовал за ней в дом, он был удивительно чистым и опрятным и пах полиролем для мебели. Полы были покрыты мягким голубым линолеумом в крапинку, и кое-где лежали терракотовые половики. Позже, вечером, жена Питера сказала, что половики сплела сама.

В гостиной стояли только диван и четыре стула. Пустота комнаты казалась бы неприятной, если бы одна стена не была почти полностью увешана фотографиями. Рамки для фотографий Питер сделал сам, и для окантовки подобрал картон ярких цветов, так что впечатление они производили веселое и радостное.

Казалось, супруги были очень привязаны друг к другу. Это выдавали каждое слово, каждый взгляд, каждое движение: оба доброжелательные, быстрые на проявление симпатии, впечатлительные и не без чувства юмора.

– Давно вы женаты? – спросил я.

– Девять месяцев, – ответил Питер, и его жена залилась румянцем.

Мы пообедали, вымыли тарелки и провели вечер возле телевизора, разговаривая о скачках. Когда мы отправлялись спать, они извинились за вид моей спальни.

– Мы еще не обставили ее как следует, – сказала жена Питера, озабоченно глядя на меня.

– Мне будет очень удобно, не сомневайтесь. Вы были так добры, пригласив меня.

Она улыбнулась от удовольствия. В спальне стояли кровать и стул. На голубом линолеуме лежал терракотовый половик. На стене висело маленькое зеркало, на окне – плотные, цвета ржавчины шторы. Вешалка с двумя крючками на двери служила гардеробом. Спал я хорошо.

Мы выехали в Челтенхем позже, чем собирались: Питер настоял, что надо заехать вниз в деревню и купить хлеба, а то жене придется идти пешком.

Мы неслись по извилистой дороге между холмов гораздо быстрее, чем требовало благоразумие, но, к счастью, ничто не попало нам на пути. И пока мы пролетали мимо фермерских полей, казалось, удача сопровождает нас. Но, сбавив скорость при выезде на шоссе, мы увидели военную цистерну. Она загородила по диагонали дорогу, полностью блокировав ее.

Настойчивые гудки Питера привлекли внимание солдата, он зашпешил к машине и успокаивающе заговорил:

– Простите, сэр, но мы искали дорогу в Тимберли.

– Вы рано повернули. К Тимберли – следующий поворот направо, – нетерпеливо объяснил Питер.

– Да, я знаю, – согласился солдат. – Мы поняли, что повернули слишком рано, и мой товарищ попытался развернуться. Что он тут натворил – просто ужас, мы въехали в изгородь. Короче говоря, – небрежно продолжал он, – мы окончательно застряли. Товарищ поймал грузовик и поехал звонить в военную автоинспекцию.

Питер и я вышли из машины, чтобы убедиться самим, но солдат говорил правду. Огромная, тяжелая в управлении автоцистерна намертво перегородила выезд с узкой дороги, а водитель уехал.

Бледный мрачный Питер снова сел за руль, я позади него. Он проехал четверть мили задним ходом, прежде чем смог развернуться. Потом мы долго спускались вниз с холма по дороге, вьющейся серпантинном, мчались через деревню, пока не выехали на шоссе с другой стороны. Оно вело на юг, в противоположную сторону от Челтенхема, и нам пришлось делать длинный объезд, хотя цистерна преградила путь всего в двенадцати милях от цели нашего путешествия.

Несколько раз Питер повторял:

– Я опоздал! – И в голосе его звучало отчаяние.

Я знал, что он участвовал в первой скачке, а тренер, для которого он работал, любил видеть в весовой своих жокеев за час до начала. Тренеры объявляли имена жокеев не позже чем за четверть часа до заезда. Если бы они заявили жокея, который еще не приехал, а он бы по самой уважительной причине действительно не приехал, у тренера были бы неприятности с распорядителями. Питер работал для человека, который никогда не рисковал в таких делах. Если его жокей не приезжал за час до скачек, он заменял его.

Мы были на ипподроме за сорок пять минут до начала первого заезда. Питер помчался с автостоянки к раздевалке, но мы оба знали, что он не будет участвовать в скачках. Я не спеша пошел за Питером и, когда проходил широкую асфальтированную площадку на пути к

весовой, услышал шелчок громкоговорителя. Диктор начал перечислять участников первого заезда. Питера Клуни среди них не было.

Я нашел его в раздевалке. Он сидел на скамье, обхватив голову руками.

– Он не стал ждать, – повторял Питер несчастным голосом. – Он не стал ждать. Я знал, что он не будет ждать. Я знал! Он взял вместо меня Ингерсолла.

Я посмотрел туда, где Тик-Ток натягивал сапоги. Он сидел уже в алом свитере, который должен был бы надеть Питер. Тик-Ток поймал мой взгляд, состроил гримасу и в знак сочувствия покачал головой, но он был не виноват: ему предложили работу – естественно, он ее взял.

Хуже всего было то, что Тик-Ток выиграл скачку. Я стоял рядом с Питером на местах для жокеев. Когда жокей в алом промелькнул мимо финишного столба, Питер издал такой подавленный стон, будто собирался разразиться рыданиями. Он сумел взять себя в руки, но лицо у него стало серо-белым.

– Ерунда, – смущенно сказал я, встревоженный его видом. – Это еще не конец света.

Разумеется, наше опоздание – большая неудача, но тренер, для которого работал Питер, был разумным человеком, хотя и нетерпеливым, и он не собирался отказываться от Питера. В тот же день Питер работал для него, но лошадь прошла не так хорошо, как ожидали, и захромала. Последний раз его лицо со следами разочарования мелькнуло передо мной, когда он приставал ко всем в раздевалке с назойливым рассказом о цистерне, который он повторял снова и снова.

У меня дела оказались чуть лучше. Новичок упал, когда прыгал через ров с водой, но потом медленно закончил скачку, и я не пострадал, лишь несколько травинки зацепилось за мои бриджи.

Молодая кобыла, с которой я работал в последнем заезде для Джеймса Эксминстера, имела такую же отвратительную репутацию, как и ее сосед по конюшне, доставшийся мне вчера, когда я дошел до финиша только ради самого себя. Но на этот раз капризное животное и я, неизвестно почему, с самого старта хорошо подошли друг другу, и, к моему удивлению, которое разделяли все присутствующие, мы прошли последнее препятствие следом за лидирующей лошастью и потом помчались к финишному столбу. Лошадь, которую считали фаворитом, пришла четвертой. Это была моя вторая победа за сезон и первая в Челтенхеме, и она была встречена мертвым молчанием.

На площадке, где расседлывали победителей, я попытался объяснить происшедшее Джеймсу Эксминстеру:

– Я очень сожалею, сэр, но я не мог удержать ее.

Я знал, что он не поставил на нее ни пенни, а владелец даже не пришел посмотреть на скачки.

Эксминстер задумчиво посмотрел на меня, но ничего не ответил, и я подумал, что этот тренер не скоро еще раз наймет меня. Иногда неожиданно выигрывать так же плохо, как и проиграть, когда ожидают победу.

Я распустил подпругу, перекинул седло через руку и стоял, ожидая, когда разразится буря.

– Ну, – резко сказал он, – теперь идите взвесьтесь. И когда оденетесь, я хочу поговорить с вами.

Когда я вышел из раздевалки, он стоял у весовой и разговаривал с лордом Тирролдом, лошадь которого тренировал. Они замолчали и повернулись ко мне, но я не мог видеть выражения их лиц, потому что солнце било мне в глаза.

Джеймс Эксминстер спросил:

– В каких конюшнях вы чаще работаете?

– В основном я работаю для фермеров, которые тренируют собственных лошадей, – пояснил я. – У меня нет постоянной работы с профессиональными тренерами, но, когда они просят меня, я скачу и для них. Мистер Келлар несколько раз брал меня.

«И в этом, – подумал я, – истинная причина того довольно тусклого впечатления, которое я до сих пор производил в мире скачек».

– Я слышал, как два или три тренера говорили, – вмешался лорд Тирролд, обращаясь к Эксминстеру, – что для своих плохих лошадей они всегда могут взять Финна.

– Что я и сделал сегодня, – усмехнулся Эксминстер, – и посмотрите на результат! Как я смогу убедить владельца, когда он услышит о победе, что это был такой же сюрприз для меня, как и для него? Сколько раз я говорил ему, что лошадь никуда не годится! – Он повернулся ко мне. – Вы выставили меня совершеннейшим дураком, вы понимаете это?

– Я очень сожалею, сэр, – еще раз повторил я, и я действительно сожалел.

– Не отчаивайтесь. Я дам вам другой шанс, вернее, несколько шансов. У меня есть старая, медлительная кляча. Вы можете работать на ней для меня в субботу, если не заняты на этих скачках, и две или три следующие недели. А потом... там посмотрим.

– Спасибо, – произнес я изумленно. – Большое спасибо.

Все вышло так, как если бы он бросил мне в руки золотой слиток, когда я ожидал скорпиона. Если я оправдаю себя на его лошадях, он может использовать меня регулярно как запасного жокея. Для меня это был гигантский шаг навстречу.

Он тепло улыбнулся почти озорной улыбкой и сказал:

– Герань, стипль-чез в субботу. Вы свободны?

– Да.

– А вы сможете сбросить вес? Чтобы было не больше десяти стонов?²

– Да, – ответил я.

Мне предстояло сбросить три фунта за два дня, но никогда еще голод не казался мне таким привлекательным.

– Очень хорошо. Там увидимся.

– Да, сэр, – подтвердил я.

Он и лорд Тирролд вместе пошли к выходу, и я слышал, как они смеялись. Высокий и нескладный лорд Тирролд и тренер даже еще выше его – пара, которая выигрывала почти каждый важный заезд во всех национальных скачках.

Джеймс Эксминстер был крупным человеком во всех смыслах. Шести футов ростом, крепко сбитый, он двигался, говорил и принимал решения легко и уверенно. Его большое лицо с выдающимся вперед носом и тяжелой квадратной нижней челюстью было знакомо всем любителям конного спорта. Когда он улыбался, его нижние зубы выдвигались дальше, чем передние. Хорошие, сильные зубы, очевидно, здоровые и необыкновенно белые...

Он владел крупнейшей конюшней в стране. Его жокей Пип Пэнкхерст последние два сезона держал звание чемпиона, и его лошади, примерно шестьдесят, считались самыми лучшими среди участвующих в скачках. Я получил предложение от человека, стоявшего на самой вершине пирамиды, и это пугало не меньше, чем манило. «Если я упущу этот шанс, – мелькнула у меня мысль, – я могу с успехом последовать за Артом в мир забвения».

Весь следующий день я провел, бегая вокруг Гайд-парка в трех свитерах и ветровке. Часов в шесть я сварил три яйца, съел их без хлеба и соли и поспешил удрать, потому что мать пригласила друзей к обеду, и девушка, которая приходила в подобных случаях, наполнила кухню деморализующими соблазнительными запахами. Я решил пойти в кино, чтобы отвлечь сознание от желудка. После кино отправился в турецкие бани, где провел всю ночь. Затем

² Не более 63,5 кг.

вернулся домой, съел еще три яйца вкрутую, даже не почувствовав их вкуса, и наконец поехал на скачки.

Стрелка вздрогнула, когда я встал на весы в легких сапогах и с самым легким седлом. Она зашла за отметку десять стонов, но потом заскользила обратно и наконец остановилась на толщину волоса ниже нужного веса.

– Десять стонов, – удивленно объявил служащий, фиксирующий вес. – Как вы это сделали? Наждаком?

– Почти, – усмехнулся я.

В парадном круге Джеймс Экминстер посмотрел на доску, где цифры показывали, какой вес должна нести лошадь и какой у ее жокея, и обратился ко мне.

– Лишнего веса нет? – спросил он.

– Нет, сэр, – ответил я так, будто сбросить лишний вес – самое пустяковое дело, какое только бывает.

– Гм... – Он, махнув рукой, подозвал конюха, который водил по кругу вялую старую кобылу, ту, с которой мне предстояло работать, и сказал: – Вам придется все время пинать эту старую клячу. Она ленива. Хорошо прыгает, но больше ничего.

Я привык пинать ленивых лошадей. Пинал я и эту кобылу, которая хорошо прыгала: мы финишировали третьими.

– Гм, – снова промычал Экминстер, когда я распуская подпругу.

Я взял седло и пошел взвешиваться – на полфунта легче, чем до заезда. Я переоделся в цвета другой лошади, с которой должен был работать в тот же день, а когда вышел из весовой, Экминстер ждал меня. Он держал лист бумаги и, ни слова не говоря, протянул его мне.

Это был список пяти заездов в различных скачках на следующей неделе. Против каждой лошади он указал вес, который она должна нести, и скачки, в которых она участвовала. Я внимательно прочел список.

– Итак, – сказал он, – вы сможете работать с нами?

– Я смогу взять четырех из них, но меня уже наняли на скачки новичков в среду.

– Это важно? Вы не можете отказаться?

Мне ужасно хотелось сказать, что могу. Бумага, которую я держал, была приглашением в персональный рай. И, кроме того, если я откажусь от одной из лошадей, то жокей, который возьмет ее, скорее всего, будет работать с ней и в будущем.

– Я... не могу, – пробормотал я. – Я должен участвовать. Это для фермера, который первым дал мне нескольких лошадей.

Экминстер слегка улыбнулся, и его нижние зубы выдвинулись вперед.

– Прекрасно. Тогда возьмите четырех других.

– Спасибо, сэр. Я бы очень хотел...

Он повернулся и ушел, а я сложил драгоценный листок и засунул в карман.

Вторую лошадь, с которой я работал в этот день, тренировал Корин Келлар. После смерти Арта он постоянно нанимал разных жокеев и ворчал, как неудобно не иметь под рукой хорошего специалиста. Зная, что именно из-за его отношения Арт, лучший из жокеев, бросил Корина самым ужасным из всех возможных способов, мы с Тик-Током считали, что Келлар – готовый случай для психиатра, но мы оба, в общем-то, с удовольствием работали с его лошадьми.

– Если Корин предложит тебе, – спросил я Тик-Тока, когда мы брали седла и шлемы, готовясь взвеситься перед заездом, – ты возьмешь работу Арта?

– Если предложит – да, – усмехнулся Тик-Ток. – Но Келлар не собирается беспокоить меня в будущем. – Он поднял глаза к потолку, тонкогубый широкий рот растянулся в беззаботной улыбке. Ясное душевное здоровье отражалось в каждой черте его худощавого лица, и в этот момент он показался мне человеком, родившимся слишком рано. Он был таким, каким я

представлял себе человека двадцать первого столетия: необыкновенно жизнеспособный, любознательно-наивный, без тени апатичности, злобности или жадности. В его присутствии я чувствовал себя старым. Ему было девятнадцать.

Мы вместе вышли на парадный круг.

– Улыбку на тридцать два зуба, – бросил он. – Глаз мира обшаривает наш путь.

Я посмотрел вверх. Когда мимо проводили по кругу серую лошадь, телевизионная камера со своей продуваемой всеми ветрами площадки направила на нас квадратную морду. Камера чуть-чуть задержалась и двинулась дальше.

– Я забыл, что мы на виду, – безразлично заметил я.

– О да, – ехидное выражение появилось в глазах Тик-Тока, – сам великий человек тоже здесь, единственный и неповторимый Кемп-Лоур. Человек – воздушный шар.

– Что ты имеешь в виду?

– Быстрый взлет. И наполненность горячим воздухом. Но богатый человек и со вкусом. Бодрящий аромат, свежий и хрустящий.

Я засмеялся. Мы подошли к Корину, и он начал давать нам обоим указания, как провести заезд. Кобыла Тик-Тока была на хорошем счету. Я, как обычно, работал с лошадью, от которой мало что ожидали, и совершенно правильно. Мы долго плелись в хвосте, и я видел по номерам, появившимся на табло, что другая лошадь Корина победила.

Корин, Тик-Ток и владелец лошади образовали кружок вокруг победительницы и обменивались взаимным восхищением. Когда я проходил в весовую с седлом под мышкой, Корин окликнул меня и попросил сразу же вернуться и рассказать, как вела себя лошадь во время заезда.

Вернувшись, я увидел, что он разговаривает с человеком, стоявшим спиной ко мне. Я остановился неподалеку, не желая мешать их беседе, но Корин, заметив меня, взмахом руки подозвал к себе. Человек обернулся. Ему было чуть за тридцать. Среднего роста, стройный, с приятными чертами лица и светлыми волосами. Никогда не перестаешь приходить в замешательство, встретив первый раз во плоти человека, чье лицо знакомо, будто лицо родного брата. Передо мной стоял Морис Кемп-Лоур.

Телевидение не льстит никому. Оно делает фигуру толще, а лицо – банальнее. Поэтому, чтобы сиять с маленького экрана, в реальной жизни человек должен буквально ослеплять. И Кемп-Лоур не был исключением. Очарование, которое исходило от его программ, становилось совершенно неотразимым в реальной жизни. Его рукопожатие было быстрым и сильным, его улыбка – заражительной и теплой, излучающей восхищение от встречи со мной. Но даже в тот момент, когда я улыбался в ответ и пожимал руку, я осознавал, что эффект, который он произвел на меня, рассчитан. Все на продажу. Хорошие интервьюеры знают, как вызвать доверие в людях, чтобы они раскрылись, как бутон, а Кемп-Лоур, конечно, был мастером своего дела. В его программах скучные люди сверкали остроумием, молчаливые – красноречием, догматики – гибкостью ума.

– Я видел, что вы проиграли этот заезд, – проговорил он. – Плохой день.

– Плохая лошадь, – возразил Корин и расплылся в улыбке, обретая юмор в присутствии телекомментатора.

– Я бы хотел как-нибудь сделать программу, если вы простите меня, с жокеем-неудачником. – Широкая улыбка смягчила жало его слов. – Или, вернее, с жокеем, который пока не добился успеха. – Его голубые глаза засверкали. – Не согласились бы вы выступить в моей передаче и рассказать зрителям, какую жизнь ведете? Финансовое положение, надежда на удачу в очередной скачке, безопасность... такого рода детали. Просто показать публике обратную сторону медали. Она знает все о крупных владельцах конюшен, больших скачках и жокеях, которые их выигрывают. А я хочу показать, как ухитряется жить жокей, который редко выигрывает

даже на незначительных соревнованиях. Жокей, живущий на нерегулярные вознаграждения. – Он тепло улыбнулся. – Вы расскажете?

– Да, конечно, – согласился я. – Но мой случай не совсем типичный. Я...

Он перебил меня:

– Не говорите мне сейчас ничего. Я достаточно слышал о вашей карьере и считаю, что вы подходите для моего замысла. Я всегда предпочитаю не знать ответа на мои своеобразные вопросы, пока мы не окажемся в прямом эфире. Это делает передачу непосредственнее. Если мы с моими приглашенными будем репетировать то, что скажем в программе, передача получится скучной и неубедительной. Я пошлю вам список примерных вопросов, которые собираюсь задать, и вы можете подумать над ответами. Хорошо?

– Да, – согласился я. – Пусть будет так.

– Прекрасно. Тогда в следующую пятницу. Программа идет в эфир в девять часов. Приходите в студию в семь тридцать, вы сможете? Вот эта карточка поможет попасть туда. – Он протянул карточку, на одной стороне которой большими буквами было напечатано: «Юниверсл телекаст», а на другой помещена схематически карта Уайлсдена.

– И кстати, будут, конечно, гонорар и возмещение всех расходов. – Он приветливо улыбнулся, показывая мне, что знает, как приятна эта новость.

– Спасибо. В пятницу буду.

Он перекинулся парой слов с Корином и ушел. Я взглянул на Корина, когда тот смотрел вслед Кемп-Лоуру, и поймал на его лице то же выражение, какое часто видел у поклонников, окружавших после концертов моих родителей. Самодовольная, глупая ухмылка, означавшая: «Знаменитая личность, которая умнее меня, разговаривала со мной».

– Я довольно хорошо знаю Мориса, – начал Корин громким, самодовольным тоном. – Он попросил у меня совета, подойдете ли вы для его передачи... мм... о неудачливом жокее, и я сказал ему, что в самый раз.

Он ждал, что я поблагодарю, и я сказал:

– Спасибо.

– Да-с, Морис великий человек. Из хорошей семьи, вы знаете? Его отец выиграл национальный приз – как любитель, конечно. Его сестра долгие годы была первой в выездке. Бедный старина Морис, он едва ли вообще сидел на лошади. Он даже не охотится. Знаете, от лошадей у него разыгрывается ужасная астма. Он так страдает из-за этого. Он бы никогда не занялся телевидением, если бы мог участвовать в скачках или бегах. Но может, и к лучшему.

Спустившись в раздевалку, я увидел Гранта Олдфилда, который стоял возле моей вешалки и держал в руках лист бумаги. Подойдя ближе, я с раздражением обнаружил, что это список лошадей, который дал мне Джеймс Экминстер. Значит, Грант шарил у меня в карманах.

Не обратив ни малейшего внимания на мое возмущение, не говоря ни слова, он сжал кулак и двинул меня по носу.

Глава 4

Количество крови, которое вылилось от этого удара, сделало бы честь целой клинике доноров. Кровь лилась по бледно-зеленому шелковому камзолу и стекала на белые бриджи. Маленькие лужицы образовались на скамейке и на полу. Я отплевывался, пытаюсь очистить от крови рот.

– Ради бога, положите его на спину! – крикнул один из служителей, подбегая ко мне.

Его совет был, вообще-то, бесполезен, потому что я и так лежал на полу, задрав ногу на скамейку. В такой позе я оказался, когда после удара потерял равновесие.

Грант стоял у меня в ногах и смотрел в пол, будто удивляясь, что стал причиной такого переполоха. Я бы расхохотался, если бы не был так занят проглатыванием, как мне казалось, полных чашек собственной крови.

Молодой Майкл подsunул мне под плечи седло и закинул голову назад. Затем положил мокрое полотенце на переносицу, и постепенно сгустки крови, выходящие с дыханием, стали меньше, и кровотечение прекратилось.

– Вам лучше побыть еще немного здесь, – сказал Майкл. – Я сейчас схожу и приведу кого-нибудь из первой помощи, чтобы вас осмотрели.

– Не беспокойтесь, – возразил я. – Пожалуйста, не беспокойтесь. Со мной все в порядке.

Он нерешительно вернулся и встал у моей головы.

– Какого черта вы это сделали? – спросил он Гранта.

Мне тоже хотелось услышать ответ, но Грант ничего не сказал. Он хмуро взглянул на меня, повернулся на каблуках и стал проталкиваться к дверям навстречу жокеям, возвращавшимся с последнего заезда. Список лошадей Эксминстера, кружась, опустился на пол. Майкл поднял его и вложил в мою протянутую руку.

Тик-Ток бросил седло на скамейку, снял шлем и подбоченился.

– Что это у нас здесь? Кровавая ванна? – воскликнул он.

– Из носа пошла кровь, – ответил я.

– А то я не вижу.

Жокеи начали собираться вокруг меня, и я решил, что полежал уже достаточно. Я снял с лица полотенце и осторожно встал. Фонтан иссяк.

– Грант двинул ему в нос, – пояснил один из жокеев, который был здесь с самого начала.

– За что?

– Спросите меня о чем-нибудь другом, – отозвался я. – Или спросите Гранта.

– Следовало бы доложить распорядителям.

– Не стоит, – возразил я.

Я привел себя в порядок, переоделся и пошел вместе с Тик-Током на станцию.

– Ты, конечно, знаешь, за что он ударил тебя, – проговорил он.

Я протянул список Эксминстера, он прочел и вернул мне.

– Да, понимаю. Ненависть, зависть и ревность. Ты занял место, на которое он рассчитывал. Ему тоже представился шанс, и он его проворонил.

– А что случилось? – спросил я. – Почему Эксминстер выбросил его?

– Честно, не знаю, – ответил Тик-Ток. – Лучше спросить Гранта и выяснить, чтобы не наделать ошибок. – Он усмехнулся. – Твой нос похож на дешевую открытку с морского курорта.

– Как раз для телевизионной камеры, – заметил я и рассказал о предложении Кеми-Лоура.

– Мой дорогой сэр, – воскликнул он, снимая тирольскую шляпу и отвешивая шуточный поклон, – я потрясен!

– Ну и дурак.

– И слава богу.

На этом мы расстались. Тик-Ток отправился в свою берлогу в Беркшире, я – в Кенсингтон. В квартире никого не было – обычное дело для субботнего вечера, самого занятого концертами. Я взял кубики льда из холодильника, положил их в пластиковый мешок, обернул в чайное полотенце и лег на постель. Мешочек со льдом подрагивал у меня на лбу. Полное впечатление, будто вместо носа у меня желе.

Я закрыл глаза и думал о них, о Гранте и Арте. Два раздавленных человека. Одного довели до насилия над собой, а другой обратил насилие против всего мира. «Бедняги, – подумал я, пожалуй, чересчур свысока, – у них не хватило стойкости справиться с тем, что разрушало их». Позднее мне пришлось вспомнить эту небрежную жалость.

В следующую среду Питер Клуни приехал на скачки, пуская пузыри от счастья. Родился мальчик, жена чувствовала себя прекрасно, все виделось в розовом свете. Похлопывая жокеев по плечам, он утверждал, что мы не понимаем, чего лишены. Лошадь, с которой он работал, начинала среди фаворитов, но прошла плохо, однако это не испортило ему настроения.

На следующий день он должен был участвовать в первом заезде и опоздал. Еще до того, как он появился, мы знали: он упустил свой шанс.

Я стоял возле весовой, когда Питер наконец приехал за сорок минут до первого заезда. Он бежал по траве с озабоченным лицом. Его тренер отделился от группы людей, с которыми разговаривал, и пошел навстречу Питеру. Обрывки сердитых реплик долетали даже до меня.

Питер прошмыгнул мимо меня, бледный, дрожащий, на вид больной, и, когда немного погодя я вернулся в раздевалку, он сидел на скамейке, спрятав лицо в ладони.

– Что случилось на этот раз? – спросил я. – С женой все в порядке? И с малышом? – Я подумал, что он, должно быть, слишком увлекся, ухаживая за ними, и забыл о времени.

– С ними все прекрасно, – несчастным голосом ответил он. – У нас теперь живет теща, она присматривает за ними. Я не опоздал... Каких-нибудь пять минут или около того... но... – Он встал и посмотрел на меня большими влажными глазами. – Вы не поверите, там опять был перегорожен выезд на шоссе, и мне снова пришлось объезжать даже дальше, чем в первый раз... – У него упал голос, когда я недоверчиво взглянул на него.

– Неужели еще одна цистерна? – скептически спросил я.

– Нет, машина. Старая машина, один из этих тяжелых старых «ягуаров». Он уперся носом в изгородь, передние колеса застряли в кювете, и он крепко завяз прямо поперек дороги.

– И вы не могли заставить водителя убрать ее в сторону? – удивился я.

– Не было никакого водителя. Абсолютно никого... И дверцы машины заперты, он поставил ее на ручной тормоз. Вонючий мерзавец! – Питер редко использовал такие сильные выражения. – Еще один человек ехал сзади, и мы вдвоем пытались столкнуть этот «ягуар», но абсолютно напрасно. Нам пришлось делать объезд в несколько миль, он ехал первым и вовсе не спешил... У него новая машина, и он боялся ее поцарапать.

– Какая неудача, – сказал я совсем некстати.

– Неудача! – в отчаянии воскликнул он, чуть не плача. – Это больше чем неудача, это... это ужасно... Я не могу себе позволить... я нуждаюсь в деньгах... – Он замолчал, несколько раз сглотнул, глубоко вздохнул. – Нам приходится много платить по закладной. Я и не знал, что на ребенка нужно столько денег. И жене пришлось оставить работу. Мы не предполагали... мы не рассчитывали иметь ребенка так скоро.

Я живо вспомнил новое небольшое бунгало с дешевым голубым линолеумом, терракотовые половники домашней работы, голые стены и минимум мебели. У него машина, и теперь еще траты на ребенка. Я понял, что потеря десяти гиней гонорара за скачки была для семьи катастрофой.

В тот день он не участвовал в других заездах и провел его, слоняясь возле весовой, чтобы быть на глазах у тренеров, если вдруг спешно понадобится замена. Он обводил всех взглядом отчаявшегося человека, и я чувствовал, что один этот взгляд отпугнул бы меня, будь я тренером. Только после пятого заезда он уехал, безработный и несчастный, и у каждого тренера, встретившего его, осталось впечатление, что с ним не все в порядке.

Я видел, как он брел к автостоянке, и волна раздражения окатила меня. Почему он не может сделать хорошую мину при плохой игре, обратив свое несчастье в шутку? И почему он не оставил себе времени на всякие дорожные неожиданности, если опоздание стоило ему так дорого? И что за мрачные совпадения, которым надо было случиться дважды в одну неделю?

Джеймс Экминстер, улыбаясь, представил меня владельцу лошади. Мы обменялись обычными, ни к чему не обязывающими фразами. Третья на этой неделе лошадь Экминстера, с которой я работал – средних лет, не подающая надежд, – сонно трусила по кругу. Я уже сумел оценить, как умело и ловко было поставлено дело у Экминстера. Его лошади были хорошо вышколены и красиво снаряжены, в экипировке никогда не появлялось ничего случайного или второсортного. Об успехе и процветании говорили каждая попона с яркими инициалами, каждая высшего качества уздечка, каждая щетка, ведро и даже коновязь.

На двух предыдущих скачках я работал с его лошадьми из второго состава, тогда как Пип Пэнкхерст занимал свое обычное место на лучших лошадях. Но скачки в четверг были мои, потому что Пип не мог участвовать из-за веса.

Когда Пип узнал, что я работаю на некоторых лошадях из той же конюшни, он с ободряющей улыбкой посоветовал:

– Если вес не должен превышать десяти стонов шести фунтов, скачки твои. А если нужно потяжелее, то и не пытайся!

Я всю неделю почти ничего не ел и не пил и ухитрился сохранить нужный вес, меньше десяти стонов, что при моем росте требовало большого напряжения. Но доброе расположение Пипа этого стоило.

Джеймс Экминстер сказал:

– Вначале надо держаться где-то в середине, после третьего препятствия смотрите, чтобы вас не слишком обошли, держитесь за четвертым. Лошади нужно время, чтобы набрать максимальную скорость. Постарайтесь идти за лидером, а там увидите, что можно сделать. Эта лошадь – великолепный прыгун, но она быстро выдыхается.

Раньше он никогда не давал мне таких детальных инструкций. Я почувствовал дрожь возбуждения. Наконец я работал с лошадью, тренер которой не удивится, если она выиграет.

Я буквально следовал его указаниям и подошел к последнему препятствию вровень с двумя другими лошадьми. Я поощрял старого скакуна со всей решительностью, на какую был способен. Он ответил мощным броском, который позволил ему еще в воздухе оставить позади других лошадей, и мы приземлились на добрых два корпуса впереди них. Я услышал стук копыт, когда другие лошади задевали препятствие, и в глубине души понадеялся, что они запнутся и потратят время на приземление. Экминстер был прав, старый скакун не особенно спешил. Я дал ему восстановить равновесие после прыжка и направил прямо к финишному столбу. Я вообще не использовал хлыст, сосредоточившись на том, чтобы сидеть спокойно и не мешать ему, а он весело продолжал дистанцию и шел впереди на полкорпуса, когда мы прошли финишный столб. Прекрасный момент!

– Хорошо, – бросил Экминстер, будто это само собой разумелось. Победы были так привычны, что ничего не значили для него.

Владелец был в восторге.

– Здорово! Здорово! – повторял он, обращаясь сразу к лошади, Экминстеру и ко мне. – Я никогда не думал, что он сможет, Джеймс, даже когда последовал вашему совету и нанял его.

Я быстро взглянул на Эксминстера. Его пронзительные глаза насмешливо разглядывали меня.

– Хотите работу? – спросил он. – Регулярную, вторым после Пипа.

Я кивнул, набрал побольше воздуха и выдохнул:

– Да... – Это «да» прозвучало будто хрип.

Владелец скакуна засмеялся:

– Удачная неделя для Финна. Джон Боллертон говорил мне, что Морис будет интервьюировать его в своей программе завтра вечером.

– Да? – удивился Эксминстер. – Постараюсь посмотреть.

Я пошел взвеситься и переодеться, и, когда вышел, Эксминстер дал мне очередной список лошадей. Он хотел, чтобы на следующей неделе с четырьмя из них работал я.

– С этого дня, – сказал он, – я не хочу, чтобы вы принимали какие-либо предложения, не узнав сначала, нужны ли вы мне. Идет?

– Да, сэр, – подтвердил я, стараясь не очень выказывать идиотский восторг, который испытывал. Но он и так видел. Он набил на таких делах руку. Его глаза сияли пониманием, дружелюбием и обещанием.

Я позвонил Джоанне:

– Как насчет того, чтобы поужинать вместе? Я хочу отпраздновать.

– Что?

– Победу. Новую работу. Мир со всем миром, – сообщил я.

– Звучит так, будто ты уже отпраздновал.

– Нет, – возразил я. – Опынение, которое ты можешь услышать в моем голосе, означает, что на меня свалилась удача.

Она засмеялась:

– Тогда все в порядке. Где?

– «Хенниберт».

Это был маленький ресторанчик на Сент-Джеймс-стрит, где кухня была под стать адресу, а цены – под стать тому и другому.

– О да! – воскликнула она. – Я приеду в золотой карете.

– Я так и думал. Я заработал сорок фунтов за неделю и хочу часть потратить. И, кроме того, я голоден.

– Ты не найдешь свободного стола.

– Он уже заказан.

– Сдаюсь. Буду в восемь.

Джоанна приехала на такси, что польстило мне. Она любила гулять пешком. Она надела платье, которого я не видел прежде, – облегающее, прямое, из плотной темно-голубой ткани. При движении оно слабо мерцало. Волнистые волосы аккуратными локонами падали на шею, и темные тонкие линии, которыми она обвела веки, делали ее глаза большими, бездонными и таинственными. Головы всех мужчин повернулись к ней, когда мы вошли в зал, хотя она не была ни особенно хорошенькой, ни слишком эффектной, да и одета не так уж... Она выглядела... я сам удивился этому слову... интеллигентной.

Мы ели авокадо под французским соусом, и бефстроганов со шпинатом, и клубнику осеннего урожая со сливками, и грибы, и свиную грудинку, и маслины. Пир после моего долгого птичьего рациона. Мы ели долго, и выпили бутылку вина, и сидели за кофе, и болтали с легкостью, которая свойственна дружбе, уходящей в детство. После долгой тренировки я научился скрывать от Джоанны мои совсем не братские чувства к ней. А скрывать их было необходимо, потому что я знал по прошлому опыту: если бы я заговорил о любви, она начала бы нервничать, прятать глаза и очень быстро нашла бы подходящий предлог, чтобы уйти. Если я хотел наслаждаться ее обществом, надо было принимать ее условия.

Казалось, она искренне рада тому, что я буду работать для Джеймса Экминстера. Хотя скачки и не интересовали ее, она ясно понимала, что это значит для меня.

Я рассказал о телевизионной передаче.

– Завтра? – спросила она. – Хорошо, я буду свободна и погляжу на тебя. Ведь ты ничего не делаешь наполовину, да?

Я усмехнулся:

– Это только начало.

Я сам почти верил своим словам.

Всю дорогу назад мы прошли пешком и остановились в темном дворе возле дверей. Я взглянул на нее. Это было ошибкой. Поднятое кверху лицо, свет звезд, отражавшийся в затененных глазах, темные волосы, растрепавшиеся при нашей прогулке, гибкая линия шеи, высокая грудь вблизи моей руки... От всего этого меня охватило невыносимое волнение, которое я подавлял весь вечер.

– Спасибо, что пришла, – отрывисто бросил я. – Спокойной ночи, Джоанна.

Она удивилась:

– Разве ты не зайдешь выпить кофе... или что-нибудь еще?

Или что-нибудь еще? Да.

Я сказал:

– Больше ничего не могу ни есть, ни пить. Кроме того... там Брайан...

– Брайан в Манчестере на гастролях.

Это было просто констатацией факта, не приглашением.

– Ну все равно, думаю, мне лучше отправиться спать.

– Хорошо. – Она ни капельки не была встревожена. – Ужин был великолепен, Роб, благодарю тебя.

Она дружелюбно положила руку мне на плечо и улыбнулась, желая спокойной ночи, потом вставила ключ в дверь, открыла ее, махнула мне рукой, когда я обернулся, и хлопнула дверью. Клянусь, с силой, слишком громко. Слабое утешение.

Глава 5

На телевидении меня встретили так, будто я был тем, кто в семье Финн называется ДВП – Довольно Важная Персона. Меня принял не последний чиновник, тем самым показав, что обо мне позаботились.

Моя мать прекрасно разбиралась во всех различиях между Особо Важной Персоной и Довольно Важной Персоной и неизменно замечала каждую деталь в поведении чиновников, сопровождавших ее. Ее стремление быть всегда Особо Важной Персоной я чувствовал с самого раннего детства, и, когда я вырос, эта игра немало забавляла меня. И поскольку я долгие годы был СНВП (Совсем Не Важная Персона), то восприятие во мне обострилось. Через вертящуюся стеклянную дверь я вошел в большой вестибюль и спросил девушку, сидевшую за справочным столом, куда мне идти. Она любезно улыбнулась, показывая на стоявший рядом диван – мол, не присяду ли я. Я сел.

– Мистер Финн здесь, Гордон, – сообщила она по телефону.

Через десять секунд плотный молодой человек с веснушками, весь облик которого говорил о преуспевании, стремительно появился в одном из коридоров.

– Мистер Финн? – радостно воскликнул он, протягивая руку, которая высовывалась из белоснежной с золотыми запонками манжеты.

– Да. – Я встал и пожал руку.

– Рад видеть вас здесь. Я Гордон Килдэйр, помощник продюсера. Морис в студии, улаживает последние детали. Я предлагаю сначала немного выпить и съесть по сэндвичу. – Он повел меня по коридору, и мы вошли в маленькую безликую приемную. На столе стояли бутылки, бокалы и четыре блюда со свежими сэндвичами, выглядевшими весьма аппетитно.

– Что вы будете? – гостеприимно спросил он, и его рука потянулась к бутылкам.

– Спасибо, ничего.

– Тогда, возможно, потом. – Он налил немного виски, добавил содовой, поднял бокал и, улыбаясь, проговорил: – Удачи вам. Вы первый раз на телевидении?

Я кивнул.

– Самое важное быть естественным. – Он выбрал сэндвич с лососиной и принялся жевать.

Двери открылись, и вошли еще двое мужчин. Они представились как Дан такой-то и Пол такой-то. Они были одеты чуть менее тщательно, чем Гордон Килдэйр, которому явно уступали по значению. Они тоже взяли по сэндвичу, наполнили бокалы виски с содовой, пожелали мне удачи и посоветовали быть естественным.

Затем стремительно вошел Морис Кемп-Лоур в сопровождении пары помощников в спортивных куртках.

– Привет, старина! – воскликнул он и тепло пожал мне руку. – Рад видеть вас здесь вовремя. Гордон позаботился о вас? Все в порядке? Как насчет того, чтобы выпить?

– Сейчас не стоит, – отказался я.

– О? Ну хорошо. Может, потом? Вы получили лист с вопросами, вам все ясно?

Я кивнул.

Помощники Кемп-Лоура принялись за еду. Меня вдруг осенило, что закуска, предназначенная для участников передач, вероятно, заменяет им ужин.

Раздался телефонный звонок. Гордон поднял трубку, выслушал и кратко сообщил своему шефу:

– Он здесь, Морис.

Кемп-Лоур вышел первым, за ним последовали Гордон и то ли Дан, то ли Пол, они выглядели почти одинаково. Им предстояла более важная встреча Я улыбнулся, подумав, что бы сказала моя мать.

Я лениво размышлял, кто бы мог быть другой гость и знаю ли я его. На пороге появилась почтительная спина Кемп-Лоура, который держал дверь, чтобы гость вошел первым. Вперед двинулись живот и очки. Мистер Джон Боллертон позволил ввести себя в комнату.

Кемп-Лоур представил ему всех своих помощников и добавил:

– Роб Финн, которого вы, наверное, знаете?

Боллертон холодно кивнул в мою сторону, стараясь не встретиться со мной глазами. Очевидно, ему было неприятно, что я видел, как его рвало возле трупа Арта, и, по-видимому, он знал, что я не скрыл этого от других жокеев.

– Думаю, пора идти в студию, – предложил Кемп-Лоур, вопросительно взглянув на Гордона. Тот кивнул.

Проходя мимо стола, я заметил, что на блюдах ничего не осталось, кроме крошек и мятых листьев салата.

В маленькой студии на небольшом, покрытом ковром возвышении стояли три низких кресла и чайный столик.

Кемп-Лоур подвел Боллертона и меня к возвышению.

– Нам надо выглядеть как можно естественнее, – ласково объяснил он. – Будто мы только что вместе пообедали и теперь беседуем за кофе, бренди и сигарами.

Он попросил Боллертона сесть в левое кресло, меня – в правое и сам занял место посередине. Впереди, чуть сбоку, стоял монитор с темным экраном, и полукругом выстроилась батарея камер с направленными в нашу сторону пугающими черными объективами.

Гордон и его помощники проверили свет, поначалу слепивший нас, затем звук. Когда Гордон удостоверился, что все в порядке, он обратился к нам:

– Вам всем нужен грим. Морис, вы, как всегда, справитесь сами? Мистер Боллертон и мистер Финн, я покажу вам, где гримерная, прошу за мной.

Он повел нас в маленькую комнату в другом конце студии, где нас встретили ослепительными улыбками две девушки в ярко-розовых комбинезонах.

– Это не займет много времени, – заверили они, втирая в наши лица темный крем. – Чуть затенить под глазами... вот так. Теперь припудрить... – Они окунули ватные тампоны в пудру, осторожно стряхнули лишнюю. – Вот и все.

Я посмотрел в зеркало. Грим смягчил и сгладил линии лица и неровности кожи. Меня это совсем не заботило.

– Грим нужен для того, чтобы выглядеть естественнее и здоровее, – убеждали нас девушки.

Боллертон нахмурился и пожаловался, что одна из них припудрила ему залысины. Девушка деликатно вставила:

– Иначе они бы чересчур блестели, понимаете? – И она слегка похлопала его по голове ватным тампоном.

Он поймал мой насмешливый взгляд и от ярости побагровел под гримом. Несомненно, он не разделял сочувственные шутки в свой адрес, о чем мне следовало бы знать. Я вздохнул. Оба раза, когда я видел его, он предстал в невыгодном свете, и, хотя мне очень не хотелось вызвать его раздражение, казалось, будто я специализируюсь на этом.

Мы вернулись в студию, и Кемп-Лоур жестом показал, чтобы мы заняли свои места в креслах на возвышении.

– Я расскажу вам о порядке передачи. После музыкальной заставки я буду говорить с вами, Джон, о том, что мы обсудили. Потом Роб расскажет о жизни, которую приходится вести жокею. У нас есть несколько кадров, показывающих вас на скачках, мы их используем как иллюстрацию, и как раз тут я планирую начать наше интервью. Вы все увидите на этом экране. – Он показал на монитор. – В последние несколько минут, Джон, у вас есть возможность прокомментировать то, что скажет Роб. В заключение вы оба добавите несколько слов.

Увидим, как все пойдет. И так, самое главное – говорить естественно. Я всегда утверждаю, что слишком много репетиций портят программу, но это значит, что в следующие четверть часа большая доля успеха зависит от вас. Я уверен, что вы оба будете великолепны.

Он закончил речь ободряющей улыбкой, и я действительно чувствовал, как переливается в меня его уверенность.

Голос прокричал:

– Две минуты!

Ослепительно вспыхнули прожекторы. На мгновение монитор показал крупным планом кофейные чашки на столе, затем следующий кадр – мультипликационная картинка, рекламирующая бензин. Зазвучала музыка, мы были в прямом эфире.

Я посмотрел на монитор. На нем без слов шла реклама мыльных хлопьев. В студии царило гробовое молчание. Все ждали. Кемп-Лоур подготовил свою знаменитую улыбку и глядел прямо в темный объектив. На десять секунд улыбка застыла на лице без движения. На мониторе сверхкрупным планом галопировали лошади. Гордон резко бросил руку вниз. На камере перед Кемп-Лоуром зажегся красный глазок, и его приятный, задушевный голос зазвучал в миллионах гостиных.

– Добрый вечер... Сегодня я собираюсь представить вам двух человек. Они оба тесно связаны с национальными скачками, но видят их и говорят о них с противоположных полюсов. Один – мистер Джон Боллертон... – Кемп-Лоур в превосходной степени аттестовал Боллертона, хотя явно перестарался. В Национальном охотничьем комитете сорок девять других членов, включая отца Кемп-Лоура, и все они по крайней мере так же активны и так же преданы конному спорту, как толстый человек, который сейчас наслаждается лестной оценкой комментатора.

Искусно ведомый Кемп-Лоуром, он рассказывал о своих обязанностях распорядителя скачек.

Я наблюдал за ним в монитор и вынужден был признать, что на экране он выглядел солидным, рассудительным, ответственным человеком, чувствующим свою правоту. Агрессивная роговая оправа придавала ему на экране авторитетность, и его обычно мрачное лицо казалось скорее открытым и добродушным. Никто из тех, кто смотрел спектакль Кемп-Лоура, не заподозрил бы, что Боллертон надутый тупица, каким мы его знали по скачкам. И тут я вдруг понял, как телепередачи помогли ему собрать голоса на выборах в Национальный охотничий комитет.

Раньше, чем я ожидал, Кемп-Лоур повернулся ко мне. Я конвульсивно сглотнул. Он улыбался в камеру.

– А теперь, – начал он с видом человека, который готовит другому подарок, – я представлю вам Роба Финна, молодого жокея стипль-чеза, который пока находится на старте спортивной карьеры. Он никогда не побеждал на крупных скачках и не работал ни с одной знаменитой лошадью. Потому-то я и пригласил его сегодня на встречу с вами, чтобы он помог нам чуть-чуть понять, как выглядят попытки проложить себе дорогу в спорте с такой высокой конкуренцией.

Красный глазок зажегся на камере, направленной на меня. Я слабо улыбнулся. Язык прилип к нёбу.

– Сначала, – продолжал он, – мы посмотрим кадры, показывающие Финна в действии. Он в белой кепке, четвертый от конца.

Мы все уставились в монитор. Меня легко было заметить. Кадры показывали одну из первых моих скачек, и они жестоко раскрывали мою неопытность. В течение нескольких секунд, что продолжался фильм, белая кепка отодвинулась на два места назад. Лучшую иллюстрацию к теме жокея-неудачника трудно было бы подобрать.

Кадры исчезли с экрана, и Кемп-Лоур, улыбаясь, заговорил:

– Теперь расскажите нам, как вы начинали и как вы решили стать жокеем.

– Я знал трех фермеров, которые сами тренировали своих лошадей, и я попросил их дать мне шанс испытать себя на скачках.

– И они согласились?

– В конце концов да. – Я мог бы добавить, что пообещал им отдать гонорар и не просить никакого возмещения расходов, но метод, который я использовал для убеждения фермеров, владельцев лошадей, был прямым нарушением правил.

– Обычно, – прокомментировал Кемп-Лоур, поворачиваясь к камере, и красный глазок моментально зажегся на ней, – жокей на скачках начинает или как любитель в стипль-чезе, или как ученик на скачках без препятствий. Но как я понимаю, вы, Роб, не воспользовались ни одним из подобных путей?

– Нет, не воспользовался, – ответил я. – Я начинал слишком старым, чтобы быть учеником, и я не мог быть любителем, потому что, объезжая лошадей, зарабатывал на жизнь.

– Как конюх?

Слова прозвучали в форме вопроса, но интонация ясно показывала: он ждет, что я скажу «да». Между прочим, такое признание в королевстве скачек считалось унижительным.

– Нет, – возразил я.

Он ждал, пока я продолжу, брови у него поднялись и выражали удивление или даже опасение. «Ну, – подумал я, – вы не стали слушать меня, когда я сказал, что едва ли можно меня представить как типичный случай, и, если я отвечаю не так, как вы ожидали, это полностью ваша вина».

– Видите ли, я уезжал на несколько лет из Англии, бродил по свету. Главным образом в Австралии и Южной Америке. Чаще всего я нанимался пастухом. Но год провел в Новом Южном Уэльсе, работая помощником в странствующей труппе родео. Десять секунд на брыкающемся мустанге – это что-нибудь да значит! – усмехнулся я.

– О! – Брови поднялись еще, наступила заметная пауза, прежде чем он сказал: – Как интересно. – Слова прозвучали так, будто именно это он и предполагал. Он продолжал: – Я хотел бы, чтобы у нас было больше времени послушать о ваших приключениях, но я собирался представить зрителям финансовую сторону жизни жокея в вашем положении... Жокея, пытающегося заработать на одной или двух скачках в неделю. Ваш гонорар десять гиней за один раз, не так ли?

Он напирал на самое больное место. Мои финансовые дела выглядели не слишком хорошо: расходы на дорогу, плата служителям, замена экипировки и тому подобное. Вышло, что мой доход в последние два года был меньше, чем я мог бы заработать, например, как водитель почтового фургона, и будущее не обещало мне заметных улучшений. Я почти почувствовал, как у зрителей, глядевших на меня, появилась мысль: какой дурак.

Кемп-Лоур почтительно обратился к Боллертону:

– Джон, какие бы вы хотели сделать комментарии к тому, что мы услышали от Роба?

Злобное удовольствие явно проскользнуло во властолюбивой улыбке Боллертона.

– Все эти молодые жокеи слишком много жалуются, – заговорил он хриплым голосом, совершенно забыв, что я вообще не жаловался. – Если они плохо выполняют свою работу, почему они рассчитывают, что им будут хорошо платить? Владельцы скаковых лошадей не хотят тратить деньги и лишать своих лошадей шанса, нанимая жокея, которому не доверяют. Я говорю так потому, что знаю, я сам владелец.

– Гм... конечно, – проговорил Кемп-Лоур. – Но ведь каждый жокей должен когда-то начать? И всегда есть довольно много людей, которые никогда не достигнут высшего уровня, но им тоже надо зарабатывать на жизнь и содержать семью.

– Им лучше пойти на фабрику и получать хорошую зарплату, стоя у конвейера, – грубовато пошутил Боллертон, но слова его звучали вполне благоразумно. – Если они не могут примириться с фактом, что они неудачники, и не плакаться, как они бедны, тогда им надо вообще

оставить скачки. Но немногие бросили скачки, – добавил он с недоброй усмешкой, – потому что им нравится носить яркую шелковую форму. Когда они проходят, люди оглядываются на них, и это льстит их мелкому самолюбию.

Где-то в глубине студии пронесся вздох после такого неджентльменского удара ниже пояса, и уголком глаза я заметил, что на камере, направленной на меня, зажглось красное пятнышко. Какое выражение на моем лице схватила камера в первый момент, я не знаю, но я расплылся в улыбке, обращенной к мистеру Боллертону, в такой нежной, одобрительной и прощающей, что она заставила слегка улыбнуться даже его. Мне не так трудно было улыбаться, потому что я знал: яркая шелковая форма скорее стесняла меня, чем доставляла удовольствие.

Кемп-Лоур повернулся ко мне:

– И что вы скажете на это, Роб?

Я заговорил искренне и страстно:

– Дайте мне лошадь и возможность участвовать на ней в скачках, и мне совершенно все равно, шелковая форма на мне или... или... пижама. Мне совершенно все равно, есть зрители или нет. Мне совершенно все равно, заработаю ли я много денег, или сломаю себе шею, или буду голодать, чтобы сбросить вес. Меня интересуют только скачки... скачки и победа, если я смогу.

Наступило короткое молчание.

– Мне трудно это объяснить, – добавил я.

Они оба уставились на меня. Джон Боллертон выглядел так, будто раздавленная оса ожила и ужалила его, и прежняя враждебность перешла в явную озлобленность. А Кемп-Лоур? Выражение его лица я вообще не мог понять. Прошло несколько секунд, прежде чем он спокойно повернулся к камере и знакомая улыбка опять проскользнула на свое место, но я ощутил, как что-то важное зреет в них обоих, и испытал странное беспокойство, не имея ни малейшего понятия, что это такое.

Кемп-Лоур начал обычный обзор скачек следующей недели и быстро закончил программу традиционными словами:

– До встречи в пятницу в это же время...

Изображение на мониторе пропало вместе с улыбкой Кемп-Лоура и сменилось рекламой мыла.

Гордон, сияя, шагнул вперед:

– Очень хорошая программа. Все прошло прекрасно. Именно то, что они любят. Острый спор. Прекрасно, прекрасно, мистер Боллертон, мистер Финн. Великолепно. – Он пожал нам обоим руки.

Кемп-Лоур стоял, потягиваясь и улыбаясь.

– Прекрасно, Джон. Прекрасно, Роб. – Он нагнулся, взял бокал бренди и протянул мне. – Выпейте, – сказал он, – вы заслужили. – Он тепло улыбался, расслабившись и сбросив напряжение.

Я улыбался в ответ и пил бренди, все время думая о том, как искусен он в своем деле. Побудив Боллертона подколоть меня, он выудил крик души, который услышали несколько миллионов чужих людей, хотя я никогда бы не признался в этом даже самому близкому другу.

Несмотря на поздравления, щедро, хотя и незаслуженно обрушившиеся на Боллертона и на меня, я испытывал больше опасений, чем перед началом передачи. Почему – я так и не мог понять.

Глава 6

Три недели и день спустя после передачи Пип Пэнкхерст сломал ногу. Его лошадь упала на последнем препятствии второго заезда. В серую дождливую субботу середины ноября произошло событие, которое вывело из строя на оставшуюся часть сезона чемпиона стипль-чезов.

Санитары из «скорой помощи» долго не могли перенести Пипа с поля в машину, потому что острая голенная кость прорвала тонкую кожу сапога и зловеще, как стрела, торчала из отверстия. Наконец – как мне потом сказал один из них, когда Пип потерял сознание, – они ухитрились поднять его на носилки.

Со своего места я видел только взмахи белого флага, машину «скорой помощи», подпрыгивающую на ухабистом грунте, и неподвижную фигуру Пипа на траве. Было бы неправдой сказать, что я спускался в весовую со спокойным сердцем. Как бы искренне я ни сочувствовал Пипу, от слабой надежды, что я могу занять его место в следующем заезде, пульс у меня взлетал и падал.

Это был главный заезд дня, главный заезд недели, стипль-чез на три мили с богатым призом, установленным пивоваренной фирмой. Приз привлек множество владельцев знаменитых лошадей, и будущие скачки обсуждались на спортивных страницах всех ежедневных газет. Лошадь Пипа, принадлежавшая лорду Тирролду – звезда конюшни Эксминстера, мускулистый шестилетний каурый холощенный жеребец, – обладала всеми качествами, чтобы стать чемпионом, и лучшие годы ее были впереди. Пока жеребец ходил в обещающих. Звали его Темплейт.

Я вошел в весовую и увидел Джеймса Эксминстера, который разговаривал с близким другом Пипа и тоже ведущим жокеем. Тот качал головой, и через комнату я видел по губам, что он говорил «Нет, я не могу».

Эксминстер медленно обернулся и окинул взглядом лица. Я тихо стоял и ждал. Оглядев всех, он заметил меня. Он разглядывал меня без улыбки, размышляя. Затем глаза его передвинулись влево и сфокусировались на ком-то еще. Он принял решение и быстро прошел мимо меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.